

В моем друге Шерлоке Холмсе меня часто поражало то, что во всем, что касается мыслительных процессов, не сыскать более методичного и склонного к точности человека, но, даже при определенной склонности к строгости, если не сказать чопорности, в одежде, в повседневной жизни это был неряшливейший из людей, которые своими привычками когда-либо отравляли жизнь соседям по квартире. Я не хочу сказать, что сам в этом отношении безупречен. Служба в Афганистане в далеко не идеальных условиях наложила на мою врожденную склонность к богемному образу жизни, превратив меня в еще более неаккуратного человека, чем можно было бы ожидать от медика. Но всему есть предел, поэтому, когда я вижу человека, который хранит сигары в ведерке для угля, табак держит в персидской туфле, а неотвеченные письма просто прикалывает перочинным ножом прямо посередине деревянной каминной полки, моя самооценка значительно возрастает. Кроме того, мне всегда казалось, что упражнения в стрельбе должны проводиться исключительно под открытым небом, поэтому, когда Холмс, пребывая в трудноопределимом расположении духа, которое находило на него довольно часто, усаживался в кресло с револьвером и сотней патронов фирмы «Боксер» и начинал палить в противоположную стену, украшая ее патриотическим «V. R.»¹, у меня

---

¹ Начальные буквы слов Victoria Regina — королева Виктория (лат.). (Здесь и далее примеч. пер.)

возникало ощущение, что вряд ли это может улучшить воздух или внешний вид нашей комнаты.

Наши апартаменты были битком набиты химикатами и всевозможными вещами, найденными на месте преступления, причем они имели обыкновение расплзаться по всей квартире и порой их можно было обнаружить в самых непредсказуемых местах, например в сахарнице, а то и в еще менее приспособленном для этого месте. Однако моей главной головной болью были бумаги Холмса. Он панически боялся уничтожить документы, особенно имеющие отношение к делам, в которых ему самому приходилось когда-то участвовать. И при этом лишь раз в год или даже в два он находил в себе силы разгрести и упорядочить их.

Как я уже упоминал где-то в этих беспорядочных записках, всплески необузданной энергии, сопровождавшие расследования, с которыми больше всего ассоциируется имя Шерлока Холмса, чередовались с периодами вялости и полнейшей бездеятельности, когда мой друг просто лежал на диване с книжками или скрипкой, почти не шевелясь, и двигался лишь для того, чтобы подойти к обеденному столу и вернуться обратно. И так месяц за месяцем бумаги его накапливались, кипы рукописей в углах вырастали до потолка, но сжечь их нельзя было ни при каких условиях и никто не имел права перекладывать их, кроме самого хозяина.

Однажды зимним вечером, когда мы сидели у камина, я, видя, что Холмс отложил в сторону тетрадь, в которую выписывал цитаты из прочитанных книг, предложил ему потратить следующие два часа на то, чтобы сделать нашу комнату еще более уютной. Отрицать, что это давно уже пора было сделать, он не мог, поэтому с довольно кислой

физиономией направился в свою спальню, откуда через какое-то время вернулся, волоча за собой большой жестяной ящик. Холмс поставил его посреди комнаты, уселся перед ним на табурет и откинул крышку. Я увидел, что ящик уже на треть заполнен бумагами, перевязанными красными ленточками в отдельные стопки.

— Здесь полно записей, Ватсон! — сказал мой друг, хитро поглядывая на меня. — Мне кажется, если бы вы знали, какие интересные дела здесь хранятся, вы бы попросили меня не складывать сюда новые, а наоборот, вытащить кое-что из старого.

— Неужели это записи о ваших ранних делах? — спросил я. — А я-то думал, что никаких документов с тех времен не сохранилось.

— Да, да, дружище, все это дела, которыми я занимался еще до того, как у меня появился личный биограф. — Он любовно доставал и рассматривал пачки бумаг. — Не все они закончились успехом, Ватсон, — сказал Холмс, — но есть среди них весьма и весьма любопытные. Вот это записи о тарлтонских убийствах, это — о Вамберри, виноторговце, это вот — дело русской старухи, это — чрезвычайно интересное дело об алюминиевом костыле, а это — полный отчет о расследовании дела косолапого Риколетти и его ужасной жены. А вот это... о, это кое-что действительно интересное.

Холмс запустил руку на самое дно ящика и вытащил оттуда маленькую деревянную коробочку со сдвижной крышкой, наподобие той, в которой дети хранят игрушки. Он открыл ее и показал мне ее содержимое. В коробочке лежала измятая бумажка, старинный медный ключ, деревянный колышек с намотанной на него бечевкой и три ржавых железных кружочка.

— Ну, дружище, что вы на это скажете? — видя мое удивление, улыбнулся Холмс.

— Любопытный набор.

— Очень любопытный, но история, которая объединяет эти предметы, покажется вам еще более интересной.

— Так значит, они имеют историю?

— Более того, они сами являются историей.

— Что вы хотите этим сказать?

Шерлок Холмс выложил непонятные предметы один за другим на краешек стола. Потом пересел в кресло и с довольным видом стал их рассматривать.

— Эти предметы, — сказал он, — все, что осталось у меня от дела об обряде Масгрейвов.

Он не раз упоминал это дело раньше, но вскользь, не вдаваясь в подробности.

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы рассказали мне об этом деле.

— А как же уборка?! — насмешливо воскликнул мой друг. — Ватсон, вы с вашей страстью к чистоте этого не перенесете. Но я буду рад, если история эта попадет в ваши анналы, поскольку есть в ней определенные детали, которые выделяют ее среди криминальных дел Англии, да, пожалуй, и любой другой страны. Рассказ о моих скромных достижениях будет не полон, если не упомянуть об этом исключительном деле.

Возможно, вы помните историю о «Глории Скотт» и о бедном судье, разговор с которым впервые заставил меня задуматься о карьере сыщика. Сейчас же я достаточно известен, и простые люди и официальные лица обращаются именно ко мне, когда заходят в тупик. Даже тогда, когда мы с вами только познакомились, во времена, которые вы

описали в своем «Этюде в багровых тонах», мое положение было уже достаточно прочным, хотя и не очень-то прибыльным. Но вы представить себе не можете, как тяжело мне было поначалу и как долго пришлось ждать признания.

Когда я только приехал в Лондон, я снимал комнаты на Монтегю-стрит, прямо за углом Британского музея, и там проводил свое свободное время, — а его у меня было хоть отбавляй, — изучая научные дисциплины, которые могли пригодиться в моей работе. Время от времени мне в руки попадали дела. В основном ко мне обращались по рекомендации моих старых товарищей по университету, ведь в последние годы учебы я и мои методы сделались главным предметом разговоров среди студентов. И вот третьим из этих дел и было дело об обряде семейства Масгрейвов. Интерес, вызванный этой историей, а также последствия, которые она имела, и привели меня к тому положению, в котором я оказался сейчас.

Мы с Реджинальдом Масгрейвом учились в одном университете и даже были немного знакомы. Студенты старших курсов его недолюбливали, но мне кажется, что то, что казалось высокомерием, на самом деле являлось лишь попыткой скрыть врожденную робость. По виду это был сто процентный аристократ: нос с горбинкой, большие глаза, худоба, вальяжные, но изысканные манеры. Он был потомком одного из древнейших родов королевства, хоть и младшей его ветви. Где-то в шестнадцатом веке она отделилась от Масгрейвов, живущих на севере, и обосновалась в Западном Сассексе, в поместье Херлстоун, которое, возможно, является самым старым обитаемым замком графства. Моему знакомому передалось что-то от этого старинного